

КНЯЗЬ-РАБ

Роман

* * *

У парадного крыльца гагаринских палат на Троицком мысу негде было и одинокому коню приткнуться — густым веером сходились к губернаторскому жилью крытые грубой пестрядью повозки, обитые сукном и бархатом санки на тонких легких полозьях, простежки тальниковые кошевки, будто скорлупки ореховые, прибитые к крыльцу ветром, теснились по оторочке большого скопления людей и лошадей.

С утра еще, едва закончилась заутреня, и люди стали выходить из храмов, посыпался на простоволосые головы медноденежный дождь. Слуги гагаринские метали монетную мелочь с папертей налево и направо. Кабаки по всему городу и все базарные кружала спозаранку были полны пирующей голью — как же не пировать — князю Матвею Петровичу день ангела!

И как водилось, и как водится во все времена, поздравить начальствующую персону спешили разночинные подчиненные, спеша и толкаясь еще перед крыльцом, держа на уме — как бы не опередил кто, званием поменьше.

Череда желающих изъяснить радость растянулась почти на весь день.

Ранний вечер застилал ровным пологом Тобольск, снежок молодой невесомо покрывал округу, и чуткому уху было радостно слышать его похрустыванье и под копытами коней, и под красным сапогом всякого поздравляльщика, поспешающего в хоромы, где пылали густопламенно канделябры. Окна, поигрывая отблесками свечного огня, издалека возвещали — торжество в доме. День Матвея-мытаря! Матвея свет-Петровича день!

Братья Некрасовы, никуда не отлучавшиеся с раннего утра, не успевали принимать подарки, сваливали на огромный длиннющий стол и меха, и какие-то коробки, малые сундучки, предъявленные уже очам именинника. Сам князь восседал в красном углу гостевых хором, разогретый по маковку красным словом обильноречивых гостей. Сегодня всякий мог принародно и открыто протянуть Гагарину коробку с золотом китайским либо снизу соболей. Никто нынче не вякнет оторопело, подавится всякий словом «подкуп» и произнесет радостно: «Прими, князь, и наш фамильный поминик именинный...»

Матвей Петрович при каждом новом поздравлении вставал, выслушивал похвальные здравицы, прижимал ко рту край кубка и мочил губы в вине. Он уже и к обеду притомился, но держался стойко — еще ждал гостей, хотя отметились уже и купцы тобольские и даже от Демидова слова приветные пощекотали тщеславие губернаторское. Дошло-таки до заводчика, что он без гагаринского слова в Сибири не развернется, ходу без княжеской воли ему не будет. Именинник запотело купался в словесных яствах и напоминал распорядителю застолья Крупенникову, чтоб не оставляли вниманием гостей, чтоб несли с поварни все, что полагалось на таком размашистом торжестве. И дворовые несли без усталости жареное, пареное, квашеное, соленое и томленное, поновлялись опорожненные чарки, подрастали горки винограда, персиков и хурмы — бухарские торговцы расстарались, трянули свои камышовые корзины и напомнили о себе самому начальному человеку в Сибири. Тюбетеечный островок был почти не виден в колыханье лохматых голов кипевшего застолья. Бухарцы озирались и цокали языком: где бы они увидели столько именитых сибирских людей, где бы увидели сиянье немецкой посуды, доставленной из непонятного и далекого Архангельска расторопными тюменцами, где бы еще отведали они вовсе незнакомого немецкого питья, кабы не такой день именинный!

Князь не на каждую здравицу отвечал, и когда уже плотно-плотно просторные покои были набиты гостями, когда уже казачий голова Василий Чередов, поспевший к празднованью, отговорил свое о новой иртышской крепости, готов был Гагарин покинуть застолье. Но едва он встал и окинул усталым взглядом захмелевших гостей, как раздался в прихожей громкий шум — ввалилась новая толпа поздравителей.

Оказалось, это припозднились в дороге люди из свиты митрополита Феодора, уехавшего с крестной миссией в Обдорскую землю на все лето. И с ними подоспел дворянин Шокуров из Кунгура. Он и выступил впереди всех припоздавших, держа перед собой каменную икону:

— Свет наш, князь! Матвей Петрович! Низко кланяюсь тебе, имени твоему от всего кунгурского народа. И прими в дар, не обессудь нас за нашу скудость, образ ангела твоего — апостола и святителя Матфея. Полгода монах наш кунгурский над этой шиферной доской, над образом святым спины не разгибал. Ангела хранителя, тебе, наша светлость! Ангела, Матвей Петрович, и многия лета!

Гагарин принял икону, поцеловал сперва холодную шиферную лешадь* там, где из-под каменных складок хламида святого виднелись его ступни, а затем облобызал и дарителя — больно уж необычен был кунгурский поминок. Обнимая кунгурца, заметил Гагарин и подоспевшего мазепинца Новицкого и тут же, еще не отпустив из объятий Шокурова, спросил:

— Да где сам митрополит? Не занедужил ли?

— Немочен. Немочен, — зачастил мазепинец. — Тильки шо до Тюмени добрались — там вон и слег. Но все ж вирши мои в честь именинника одобрил и благословенье свое послал. Дозволишь ли, князь Матвей Петрович, вирши читать?

Гагарин оглянулся по сторонам, потребовал тишины. Но в самых дальних углах неугомонные рты уже затягивали песню, и Гагарин благодушно махнул рукой:

— Да уж пьяны все. Какие тут вирши. Ты мне их одному потом читать станешь. Будет час...

— Ну, да позволь же, князь, хоть бы и просторечием тебя повеличать. А тишину мы с дьяконом в миганье ока наведем.

И вся свита, толпившаяся за Новицким, грянула троекратно:

— Матвею Петровичу! Исполать!..

И когда отгремела под широкими сводами пировальной палаты слава князю, и все вокруг попритихли, мазепинский полковник Новицкий тряхнул хохлацкой кудрявой головой и опять обратился к Гагарину:

— Все ж дозволю, светлость наша, князь наш, молвить хоть трохи в твоё здравие. В день ангела твоего, в день святого апостола церкви нашей духом проникновенного Матфея пришла мне на ум радостью освященная дума — вот как в годы ветхие пийшов Матфей с Копернаума за Господом Иисусом, неся його свет той чрез земли сирийские, мидийские и ефиопские, тако ж и ты, князь наш светлейший, пийшов за государем нашим великим. Вспомним, браты, як явився апостолу господь во образе юноши лучезарного, як вложил йому в руци жезл, абы жезл той був при храме, в коим народ звероподобный, який ховався дотолє сатанинским умыслом в землях языческих диких, щоб поимел народ той звероподобный душевную светлость. Да я ж тики шо от того народу! То ж така дикость, шо вони до се поклоняются гусям оловянным и прут на кострище, прут-несут некие жертвы небу, полагая дьявольски, шо у них будто их идол Торум-Ази свой будинок на небесах имае... Свет наш Матвей Петрович! Твоим жезлом направляемы, и мы ж споможем обрести и остякам, и даурам, и якутам не точию телесную, но и душевную белизну...

...Пока длилась эта речь, Матвей Петрович всматривался в образ Святого Матфея на только что поднесенной ему каменной иконе. На шелковистом рельефе аспидного слойника косой свет свечной вырисовывал фигуру согбенного старца, облаченного в просторный хитон. И вовсе не жезл держал в руках святой Матфей, а первоевангельское творение нес он перед собой. Слова горластого мазепинца сотрясали застольный густой воздух и свечные желто-оранжевые языки. — От содроганья душного пространства казалось, что одежда на первом евангелисте колыхнется и сам он вот-вот вышагнет из рамки иконы — вон уж и правая нога выдалась, нависла над изукрашенным старобуквенной вязью низом иконы, где значилось кунгурское поименование дарителя. Вот-вот сойдет на сибирскую земную твердь древний еврей, чтобы проповедовать слово Божие.

Матвей Петрович, отрешившись от словес мазепинца, попрестальней взгляделся в то, что кунгурский камнерезчик изобразил на иконе, и тут же мелькнула мысль: «Да никакой Сирии-Ефиопии на иконе и в помине нет. Холмы за спиной старца — уральские, а город, что высится вдаль, никакой не Капернаум Галилейский, а совсем уж похож на крепость Верхотурскую. А уж башня, башня главная и вовсе сестра родная той квадратной башне, что утверждена на солнечной стороне в стене Тобольского кремля. И вот ведь что устроил резчик каменный, мужик, видать, благоухищеный, совсем не по канону, а со своим умыслом повел он фигуру Матфея по сибирскому миру, и если уж этот словоточивый мазепинец прав, то это не ангел его, Матвея Петровича, а он сам, Матвей, бывший мытарь нерчинский и иркуцкий, а ныне апостол Петров шествует по сибирским весям...»

Отгоняя наваждение, Матвей Петрович вздрогнул и перекрестился при одной только миготке вспыхнувшей искре — а каков же я апостол, коли сравниваемый со Христом Петр-царь не принимал муки и не искупал грехов на кресте — ни своих, ни чужих?..

Князь при таком проблеске безответном стал истохо креститься. Гости, как эхо, тоже принялись клевать щепотью пьяные лбы, не ведая — о чем молится губернатор, от каких дьявольских прелестей открещивается.

...Между тем мазепинец продолжал славить и царя, и князя:

— Жезлом сим чудотворным князь наш по усей Сибирской царской земле отлагает ветхого чоловика, облакая його, аки ангел Святой Матфей, в новую душевную — во Христову плоть. И тако ж ты, князь Матвей Петрович, не щадеше души своея в трудах и подвизех, в мразе и в зной, шествуешь по земли, не страшаешься встречи с язычником Фульвианом*...

Матвей Петрович, устав от неумоимо извергающего слова Новицкого, сделал ретивому мазепинцу усмиряющий знак. Он хорошо знал судьбу апостола Матфея и успокоил говоруна:

— Ну, будя. Будя. Не то уж тебя и поманывает подвергнуть меня мукам фульвиановым, ты уж так расстарался, что готов меня и в костер засунуть, и в железный ящик вставить да сверху оловом горячим залить. То испытать токмо ангелу доступно, а мне, рабу Христову, среди вас пировать одна сплошная радость, большей и не пожелаю. Спаси вас Господи, родные, за все поминки в мою честь, за все слова сердечные. Подыдем кубки. А тебе Новицкий, коли ты слуга царю нашему Петру Лексеичу, как опоздавшему — штраф!

И слуги вручили мазепинцу серебряную бадейку до краев полную хлебным вином тобольской высики.

* * *

На следующий день, оглядывая из своего главенствующего угла похмеляющихся гостевальщиков, Гагарин мысленно перебирал — кто приехал, а кого нет. Так: из городков ленских и байкальских нет никого, и понятно, почему нет. Такое время — бездорожье, ни колесом, ни веслом, а до саней еще морозов ждать. Потому и нет никого из Енисейского, из Иркутца, из Нерчи... А так-то самое время Ракитину здесь явиться. Чай, уж караван гусятниковский он встретил — так и было условлено. Ладно, приедет — деться ему некуда. Вот где путь уже устоялся — приехали люди. С Иртыша и Матигоров весть послал, будто подарок — Ямышевскую крепость восстановил в полную меру. Максюков из Кузнецка свою весть дал — ставится крепость на Оби. И хоть не там, где надо, седлает Обь Максюков — надо бы повыше, повыше, но и то ладно. И как сговорились все, кто по Иртышу, по Оби служит — все послали в подарок губернатору могильное золото. «Ну, ин ладно, ну и хорошо...» — хмыкал про себя Гагарин. — «Будет чем государя при встрече позабавить, но вот что-то московских гостей не видать? Ведь было же каждогодно — в день гагаринских именин являлся на княжеский порог купчина Евреинов. Ведь я ж его своими заботами взрастил, из замухрышечного таможенного целовальника иркуцкого в купца гостиной сотни взлелеял! Ан теперь я и не гожа стал? Да нет. Мимо меня ему в Китаи дорог не будет. Отчего ж не приехал? Неужто на Москве так все прижухло, неужто настолько все замерло там в страхе? А ведь ждут, ждут там беды, она там такой грозой нависает, что спаси Господи...» — раздумывал Гагарин, помня о тех новостях московских, кои сообщались ему полушепотом редкими проезжими людьми. И один из последних, кто сдавленно выговаривал слова о московских делах, был поручик Невельской. Больно спешил поручик в Иркутск навстречу Гусятникову, но успел все ж с губернатором перемолвиться. Озираясь — нет ли лишнего уха рядом — Невельской почти прошепел: «...царевич пропал. Нету и следа царевича ни в Москве, ни в Петербурге... Ищут. Аж в цесарской земле* ищут».

Каков Петр в гневе — Гагарин знал. Но пока гнев царев не выхлестнул наружу. Царь смирил его, видно, утаил, будто пороховой сердечник в запальный шнур спрятал. Спрятал и еще не поднес огня к тому шнуру. Но все затаились — ждут. Ждут — когда поднесет! И это будет, по всему видно, вовсе не шутовский огонь, когда расцветают над Петербургом разные инославные фигуры и картины, а царь скалит прокуренные зубы, и радужные отражения огней потешных сверкают на царских зубах.

Эти раздумья повторной волной накатывали на Гагарина и до тезоименитства и после — чем бы он не занимался в размеренной ежедневности. Но на сибирскую землю его всякий день возвращали просители, разного рода и званья челобитчики. И Гагарин стряхивал с себя раздумье о делах московских, сгонял хмарь с лица и оглядывался окрест — Сибирь свои заботы несла на его губернаторский порог. Вот его подопечный женатик Замошников из Иркутца вдруг вынырнул. И не звал его, не указывал быть в Тобольском, ан — вот он. Уж какую неделю просит учинить розыск по иркуцкой таможе, по комендантам и целовальникам. И невдомек ему, дурно прямодумному, что он, Замошников, для Гагарина — так себе, мелкая сошка, мелкий барашек, с него много шерсти не снимешь, и чего ради потворствовать такому челядину, когда есть бараны пошерстистее — коменданты Рупышев да Ракитин... Да и любой город сибирский взять — в каждом по ракитину посажено. Вон они сколь подарков на именинный стол навалили.

Матвей Петрович на второй день гулянья ненадолго появился в застолье. «Само по себе догуляется», — решил он и удалился в свой просторный кабинет в Приказной палате. Первым делом велел Некрасову позвать челобитчиков из Уктуса. Давно уж, какой день, домогались встречи с ним братья Бабины. Гагарин знал, о чем они речь поведут. Еще ранней осенью комендант Уктуса Бухвалов в письме губернатору похвастался — нашел он руду медную богатую! Губернатору такое известие — мед на душу. Будет чем перед царем козырнуть. И Гагарин распорядился послать удачливому коменданту и кубок серебряный весом фунта в три, и денег две сотни рублей да еще и вина на три десятки. Но вот Бабины до визгу взъерепенились и просятся к нему — челом вдарить против Бухвалова.

Слуга впустил братьев к Гагарину. Они переступили порог и замерли, ошарашенно переводя взгляды то на губернатора, то на стены его кабинета. Они впервые оказались в таких хоромах. Их поразило сверканье золоченого зеркала перед просторным столом и ковры, пестро распластанные к столу от самого порога. Но более всего, казалось, они были поражены стенами кабинета, покрытые шелковыми обоями. Золотые и серебряные цветы будто с неба сыпались, ниспадая от потолка отвесным потоком.

— Ну! Долго рот разевать будете? — дал Гагарин братьям опомниться — куда они пришли. И что здесь не стены надо разглядывать, а с ним речь держать. Он разрешил братьям сесть.

— Дело ко мне какое? — спросил он, не глядя на Бабиных.

— По руде мы, ваша светлость, — наученно ответил один из них.

— Наслышан. Вы мне вразумительно скажите — что у вас за распря с комендантом?

— Ту руду медную, что Бухвалов объявил своим прииском — мы нашли. — При этих словах Родион Бабин прижал поярковую шапчонку к груди и несколько раз приударил ею по серому армяку. — Мы приискали. Мы... А он...

— А он как на себя взял?

— Так и взял. У нас же выведал, разузнал, а сюда донес да и на всю округу расколоколил — его прииска руда!

— Как же правду разыскивать? — улыбнулся благодушно Гагарин, будто кот с мышкой поигрывая.